

УДК 323.1(55)

doi 10.17072/2219-3111-2021-4-46-55

Ссылка для цитирования: *Кирчанов М. В.* Политика памяти в Исламской Республике Иран как незападная форма исторической политики (между ценностями уммы и принципами национализма) // Вестник Пермского университета. История. 2021. № 4(55). С. 46–55.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН КАК НЕЗАПАДНАЯ ФОРМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (МЕЖДУ ЦЕННОСТЯМИ УММЫ И ПРИНЦИПАМИ НАЦИОНАЛИЗМА)

М. В. Кирчанов

Воронежский государственный университет, 394000, Россия, Воронеж, ул. Пушкинская, 16
maksymkyrchanoff@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3819-3103
ResearcherID: B-8694-2017
Scopus Author: 57193934324

Автор анализирует основные особенности и направления политики исторической памяти в Исламской Республике Иран (ИРИ), провозглашенной и институционализированной в результате революции 1979 г. Значительное число работ сфокусировано на политике памяти, но иранский «кейс» ее развития мало изучен в российской историографии. Предполагается, что политика памяти зависит от динамики политической и социально-экономической модернизации в ее исламской версии. Автор полагает, что элиты активно используют историю и прошлое как символические ресурсы для легитимации режима. Политика памяти анализируется как одно из измерений иранского политического воображения, интегрированного в шиитский политический дискурс. Показаны формы политически и идеологически мотивированных манипуляций с историей в контексте политики исламизации. Автор полагает, что элиты ИРИ активны в маргинализации зороастрийского и доисламского наследия, воображаемых как культурно чуждые и антиисламские традиции. Автор анализирует радикальные формы политики памяти, включая разрушение исторических и культурных памятников. Предполагается, что политический ислам и ценности уммы в историческом воображении стали более важными факторами, чем иранский этнический национализм. В целом, в статье показана взаимная зависимость исторической политики несветского режима и иранского национализма, несмотря на его ослабление и маргинализацию. Анализируются процессы «перетекания» политики памяти в виртуальные пространства. Автор полагает, что политика памяти принадлежит к числу тех малочисленных сфер социальной и культурной жизни, где иранские светские интеллектуалы могут визуализировать свою идентичность и националистические предпочтения.

Ключевые слова: историческая политика, историческая память, Иран, клерикализация, политический ислам, политизация истории, контроль прошлого.

Введение

История как наука в большинстве современных политических режимов мира выполняет не только функции академического изучения прошлого, но принадлежит к числу тех сфер гуманитарного знания, которые в значительной степени интегрированы в политические механизмы изобретения идентичностей и, как результат, поддержания и воспроизводства лояльности существующей системе, для чего правящими элитами все более активно используется «историческая политика» или политика памяти, представляющая собой «набор приемов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие» [Миллер, 2009] или «определение стандартов исторического образования... тематики и векторов материальной поддержки научных исследований... регулирование доступа к архивам» [Исаков, 2015], что включает широкий спектр манипуляций с

историей, которые впервые были применены в странах Центральной и Восточной Европы в результате кризиса авторитарных моделей исторического воображения, которые до начала 1990-х гг. обслуживали местные левые политические режимы.

Исторической политике посвящена значительная историография, но большинство исследований сфокусировано на роли различных форм национализма в идеологически мотивированных «проработках прошлого» или государственном участии в формировании культур памяти [Кирчанов, 2019]. Что касается изучения неевропейского опыта исторической политики [Кирчанов, 2017; Кирчанов, 2020], включая ее иранский вариант, то число таких исследований невелико, ассимилируя западные подходы в иранских контекстах. Немногочисленные статьи, посвященные исторической политике в Иране [Баранов, 2010; Баранов, 2015], склонны редуцировать явление исторической политики до анализа того, как академическая историография зависит от идеологической ситуации и политической конъюнктуры, религиозного фактора, формальных тактик и стратегий манипуляций с историей, в то время как многочисленные другие формы политики памяти остаются вне сферы внимания исследователей.

Целью данной статьи является анализ исторической политики как политики памяти, основанный на политически и идеологически мотивированных интерпретациях и использовании прошлого в Исламской Республике Иран, которая заменила предшествующий проект политической модернизации. Задачами статьи являются: 1) анализ особенностей политики памяти и идеологизации дискурса исторической памяти в ИРИ; 2) изучение смены векторов в политизации памяти, что стало следствием исламизации общественной жизни в ИРИ; 3) выявление общих и особенных черт в различных версиях «проработки прошлого» со стороны иранских элит.

Наследие политики памяти шахского режима и его ревизия

Среди исследователей существует стереотип, что профессиональные академические сообщества отличаются значительной степенью консерватизма, и поэтому австрийский историк Р. Линднер подчеркивал, что «только в исключительных случаях историки вновь будут учиться своему ремеслу» [Линднер, 1996]. Такая исключительная ситуация наступила в Иране после Исламской революции, которая вынудила интеллектуалов адаптироваться к новым условиям, примириться с новыми манипуляторными стратегиями использования исторической памяти. Власти ИРИ, начиная с 1979 г., не были вынуждены проводить политику памяти с нуля, поставив перед собой задачи ревизии и демонтажа наследия предыдущего режима в этом направлении.

Башня свободы [Hemmati, 2013] получила свое современное название после Исламской революции, хотя ранее называлась *Boṛje Šāhūād*, т.е. Башня памяти Шахов (*Boṛje āzādi...*, 2009). Придя к власти, представители шиитского духовенства сделали выбор в пользу радикальной и репрессивной модели исторической политики. Поэтому Башня Шахов стала одной из первых жертв новой политики памяти после провозглашения Ирана Исламской Республикой. Властей ИРИ башня не устраивала как политически, так и идеологически, потому что актуализировала содержательно для них чуждые версии восприятия иранской истории. Одной из проблем было то, что с точки зрения архитектуры Башня была практически чужда исламским традициям, так как в большей степени визуализировала элементы архитектуры Ахеменидов и Сасанидов, т.е. доисламского Ирана, с одной стороны, и современной иранской архитектуры, подверженной западным влияниям, с другой.

Если башня была задумана как культурно-просветительский проект популяризации доисламской истории Ирана, то после 1979 г. она была интегрирована в качественно иной канон памяти. Музей, размещенный на ее территории, до 1979 г. был важным инструментом в исторической политике, основанной на идее преемственности современных иранцев с их арийскими и зороастрийскими предками, что не вписывалось в содержательно и концептуально иные подходы к проработке прошлого, которые после 1979 г. начали применяться в Исламской Республике Иран. Власти ИРИ смогли интегрировать Башню в канон собственной версии исторической политики и политики памяти, приспособив ее для актуализации символически важных и значимых моментов для уммы: например, посещение Башни входит в программу функционирования иностранных посольств (*Safire Nikāḡāgue...*), что используется властями для актуализации как исторической уникальности Исламской Республики, так и для формирования соответственного образа истории и его продвижения.

Репрессивная «проработка прошлого» в Исламской Республике Иран

Если Башня Шахов сохранилась как архитектурный объект, изменив свои функции в политике памяти, то в отношении других памятников исламистскими элитами, пришедшими к власти в результате революции, было принято решение об их ликвидации и физическом уничтожении, потому что они не интегрировались в новые концепты памяти, которые были исламоцентричны, игнорировали стимулируемый и поддерживаемый ранее на государственном уровне иранский этнический национализм. Власти ИРИ предприняли ряд шагов, направленных на маргинализацию Пехлеви и их наследия: в частности, до проведения эмиссии и введения в оборот новых банкнот изображение шаха на купюрах подвергалось сначала надпечатке, а позднее и запечатке, хотя Лев и Солнце визуально не были повреждены, несмотря на утрату ими официального статуса.

Британский культуролог и исследователь национализма Энтони Смит полагает, что именно историки «внесли весомый вклад в развитие национализма, заложив моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах, наряду с филологами, подготовив самыми разными способами рациональные основания для наций своей мечты» [Smith, 1992]. Тем не менее в некоторых странах не профессиональные историки становились основными проводниками политики памяти. Не является исключением и Иран, где после Исламской революции новые власти в рамках политики исламизации активно разрушали то, что не соотносилось с их предпочтениями и не могло быть интегрировано в новый канон исторической памяти. В 1979–1980-х гг. исламисты инициировали разрушение памятников, связанных с верой бахаи (*Kamāli M. Bahāiyāno...*), что стало одной из попыток радикальной коррекции пространственного выражения прошлого, т.е. уничтожения всего, что не интегрировалось в усиленно навязываемый обществу исключительно исламоцентричный взгляд на историю. На волне Исламской революции радикальные исламисты уже в 1979 г. предприняли попытку разрушения Персеполиса, полагая, что расположенные на его территории археологические памятники противоречат нормам ислама. В современной историографии высказываются две точки зрения на эту проблему: часть авторов полагает, что радикалы, склонные к политике «историцида» [Haas, 2017], действительно планировали уничтожить Персеполис; другие, наоборот, настаивают, что планы разрушения – политический миф [Roy, 2017], продвигаемый иранской эмиграцией. Персеполис был сохранен только в результате раскола среди получивших власть исламских радикалов: если Садег Халхали выступал за разрушение, то аятолла Талегани заявил, что доисламские памятники принадлежат государству и не могут быть разрушены (*Nāgoftehāyi az taхrībe...*). Первыми жертвами радикальной новой политики памяти исламистов стали те объекты на территории Ирана, которые были призваны визуализировать и локализовать в национальной идентичности как присутствие, так и роль династии Пехлеви, поэтому среди первых разрушенных объектов оказалась усыпальница Реза-шаха (*Ārāmgāh-e Rezāšāh*).

Историческая политика ИРИ в рамках унификации и регламентации исторической памяти имела много общих черт с аналогичными процессами в других странах, так как в политическом плане пришедшие к власти исламисты мало чем отличались от светских авторитарных и даже формально демократических режимов, так как понимали, что «версия истории должна была воспитывать общество в духе восхищения перед властью и одобрения ее действий, а совершенство правителей должна была доказывать усовершенствованная версия истории..., знание о прошлом не должно безоговорочно служить правде, а призвано оставаться в услужении у текущих политических интересов» [Михник, 2006]. В мае 1980 г. власти Ирана приняли решение уничтожить объект в городе Рей, к югу от Тегерана. В этом контексте исламисты словно следовали логике Т. Адорно, полагавшего, что «от прошлого хотят избавиться и это справедливо, потому что в его тени жить невозможно» [Adorno, 2006]. Снос гробницы был вызван желанием исламистов маргинализировать наследие шаха, вытеснив его из исторической памяти. Инициатором сноса стал Садег Халхали, ответственный за вынесение смертных приговоров многочисленным высокопоставленным чиновникам и офицерам шахского режима в период установления власти исламистов. Садег Халхали, комментируя снос гробницы первого шаха из династии Пехлеви, признавал, что режим стремится этим шагом скорректировать самосознание и идентичность иранцев: «Мы должны сровнять гробницу Реза-шаха с землей, чтобы его сын знал, что для него нет места в Иране... Это требование иранского народа, одним из представи-

телей которого я являюсь» (Qabre Rezāšāh...). Садег Халхали, указывая на важность сноса гробницы, настаивал на том, что он изменит представление иранцев о прошлом: «Период уродливых и красивых зданий после Исламской революции в Иране закончился, и мусульманский народ Ирана не может спать рядом с могилами кровавых мучителей» (Bāzkhāniye khātergāte Halxāli...).

Проблема «мумии шаха» и политика прошлого в Исламской Республике Иран

Вытеснить фигуру первого шаха из династии Пехлеви в полной мере оказалось затруднительно: в 2016 г. во время проведения строительных работ на месте бывшей гробницы были найдены останки мужчины (In mumiya'yi Rezāšāhast...), которые были тайно перезахоронены, что позволило иранским критикам режима и монархистам в эмиграции обвинить власти ИРИ в том, что они скрыли тело Реза-шаха. Мохсен Ренани, профессор экономики Исфаханского университета, в 2016 г., комментируя возможное обнаружение останков Реза-шаха, указывал на то, что политика памяти в Иране нуждается в корректировках, включая необходимость передачи тела в Национальный музей, потому что ИРИ «не боится символов Пехлеви и сохраняет их как часть истории Ирана... Эта акция станет своего рода исцелением от прошлой экстремистской тенденции в истории Ирана и восприятия режима Пехлеви. Следовательно, она увеличивает социальный капитал системы... Таким образом, Исламская Республика отделяется от экстремистов, таких как покойный Халхали, и без слов заявит, что она более не экстремистская Исламская Республика Халхали... Это действие откроет пространство для обсуждения истории Пехлеви... Уничтожить тело Реза-шаха – это то же самое, что стереть историю Реза-шаха, а стереть историю Реза-шаха значит стереть часть истории Ирана» (Mohsene Renani: Bā reukare Rezāšāh...). В этом контексте, вероятно, применимо предположение австрийского историка Р. Линднера о том, что «историография может существовать в условиях конфликта между интересами исследования и требования текущей политики» [Lindner, 1999], но как бы ни были активны интеллектуалы, представляющие гражданское общество, насколько бы оригинальные идеи они ни предлагали, любая их активность в сфере защиты академической ортодоксии и чистоты истории как науки может быть минимизирована политическими манипуляциями с памятью в рамках исторической политики, где история актуализирует свои неакадемические свойства.

По мере укрепления могущества авторитарных незападных режимов, как полагают некоторые российские историки, «набирает силу тенденция к националистическому прочтению исторических событий» [Борах, Ломанов, 2009], что верно, например, в отношении КНР, но плохо вписывается в логику отношений власти и академического сообщества в ИРИ, где национализация истории, наоборот, стала прерогативой альтернативно мыслящей части общества, а не правящих элит, которые в принципах национализма и иранской нации как его производной склонны видеть угрозу универсальности уммы. Попытки маргинализации Пехлеви в новой исторической памяти Ирана фактически привели к росту ревизионистских интерпретаций, ставших реакцией и на авторитарный характер политического режима в ИРИ. В частности, Махмуд Долатабади указывает на необходимость выработки компромиссного отношения к истории и прошлому (Dowlatābādi: jenāze'ye Rezāšāh...) в контекстах его сохранения, а не конфронтационных интерпретаций, а Хашем Агаджари предостерегает от однозначно негативной мифологизации режима Пехлеви и отрицания домусульманского периода, подчеркивая, что «тем же туристам говорят о насилии и неоспоримой власти шаха над министрами и придворными, но вопрос в том, действительно ли он обладал такой властью? В основном нет. Еще одно заблуждение сводится к тому, что 2500-летняя история является историей империи, но у нас практически не было 2500-летней истории империи... Мы мало что знаем об институте монархии в первые три века... Почему говорят, что иранская тирания буквально начинается с Реза-шаха... Потому, что правительство Реза-шаха – первое правительство, не имеющее племенного происхождения... Оно является первым современным правительством в Иране» (Hāšeme Āqājari: mā tārixeh...).

Альтернативы официальной политики памяти в Исламской Республике Иран

В силу особенностей политического режима в ИРИ, наличия цензурных ограничений в отношении изучения режима Пехлеви в иранской академической историографии, вынужденной воспроизводить официально санкционированный канон памяти, одной из площадок «проработки прошлого» в Иране стал Интернет, куда, несмотря на цензурирование последнего, переместились дискуссии о функционировании исторической памяти. Поэтому категории западного

исторического воображения и мышления от *Vergangenheitspolitik* (политики прошлого) и *Identitätspolitik* (политики идентичности) до *Erinnerungskultur* (культуры памяти) и *Geschichtskultur* (культуры истории) [Шерпер, 2009] проникли в ИРИ с запозданием, получив распространение не в академических сообществах, но преимущественно в виртуальном пространстве.

Альтернативная культура памяти в ИРИ существует в виртуальном пространстве, а «Википедия» (*Dargāhe pahluje...*) фактически превратилась в «поле битвы» между различными восприятиями прошлого, в силу того что ресурс открыт для свободного редактирования пользователями. Статьи, посвященные периоду Пехлеви, зависимы от внешних правок, авторы которых могут придерживаться диаметрально противоположных версий исторической памяти, в том числе и о периоде Пехлеви. В условиях символической и идеологически вдохновленной маргинализации наследия Пехлеви виртуальное пространство остается едва ли не единственной сферой его визуализации, что фактически актуализирует существование альтернативной версии исторической памяти, которая благодаря активности иранской эмиграции обрела характеристики канона, а визуализация символически важного и значимого наследия Пехлеви – от наград и государственных символов до использования зороастрийского наследия – стала изобретенной традицией.

Война с памятниками как компонент политики памяти в Исламской Республике Иран

В этом контексте официальная политика памяти оказывается не столь эффективной в унификации исторического воображения, так как в иранском обществе смогли сохраниться альтернативные версии памяти, которые стимулируют качественно и содержательно другие интерпретации прошлого. Несмотря на периодически звучащие голоса иранских интеллектуалов о необходимости пересмотра политики памяти, власти в Иране, начиная с 1990 г., уничтожили сорок памятников (*Taxtibe 40 asaro...*), датируемых преимущественно доисламским периодом, хотя значительное число объектов культурного наследия было разрушено практически сразу же после Исламской революции, что не получило резонанса.

Иранская эмиграция является едва ли не единственным источником информации о практике разрушения археологических и культурных памятников как сегменте исторической политики как политики памяти, которую проводят политические элиты ИРИ. Различные электронные СМИ, связанные с иранской политической эмиграцией, периодически публикуют материалы, сфокусированные на отношении ИРИ к историческому и культурному наследию. Иранские интеллектуалы в эмиграции, настаивающие, что «культурная система Исламской Республики специализируется на мотивах убийства» (*Lāhiji Š. Sisteme farhangiye...*), в целом, полагают, что подобная политика разрушения проецируется на сферы культуры, национальной идентичности и исторической памяти. Поэтому интеллектуалы в эмиграции полагают, что официальный Тегеран на современном этапе проводит политику, направленную на планомерную унификацию исторической памяти, для чего намеренно уничтожает археологическое, культурное и архитектурное наследие, которое невозможно интегрировать в канон памяти, сконструированный в соответствии с ценностями шиитского фундаментализма.

В связи с этим планы Тегерана, направленные на возведение промышленных объектов в близости от усыпальницы Кира (*Ārāmgāhe Kuroš...*), строительство гоночной трассы в районе Персеполиса (*Bargozāriye mosābeqāte...*) и возведение пищевых предприятий в районе археологических памятников (*Ehdāse kārkhāneye zorrat...*), попытки превратить район древней персидской столицы в спортивный кластер (*Harime taxte Jamšid...*), замедление процесса включения Суз в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО (*Kāheše harime Šuš...*), уничтожение изображений Тимура Мирзы периода династии Каджаров (*Ehdāse yek dāmdāri...*), превращение средневековых памятников в складские помещения (*Boq'eye ostād Hāfez Širāzi...*) – все эти факты воспринимаются среди представителей иранской эмиграции как попытки выстроить контролируемый и подчиненный канон исторической памяти, что предусматривает маргинализацию и социально стимулированное забывание целых периодов истории Ирана путем их негативизации, маргинализации и вытеснения из исторической памяти, что предусматривает подмену национальной идентичности религиозной, а этнического и гражданского национализма – рели-

гиозными стереотипами и предрассудками, формирующими канон лояльности в отношении исламистского режима.

Выводы

Историческая политика как политика памяти в ИРИ нетождественна иранской историографии и соотносится с ней только в том смысле, что профессиональные историки после 1979 г. были вынужденными или добровольными участниками государственно контролируемых и направляемых компаний по ревизии истории, ее последовательной политизации и идеологизации в религиозноцентричной системе координат, что привело к утверждению нового канона исторической памяти, санкционированного правящими элитами и радикально отличного от более ранних манипуляций с историей и памятью. В этом контексте академическая историография в Иране в определенной степени утратила свои позиции, оказавшись в состоянии зависимости от политической повестки дня, формулируемой высшим шиитским духовенством.

Стратегии проработки прошлого в значительной степени в Иране зависят от фактора политического режима и связанных с ним идеологических предпочтений элит, которые редуцированы до политического шиитского ислама в качестве центрального системообразующего элемента. Поэтому различные версии исторической политики как политики проработки прошлого в Иране до 1979 г. и после решали диаметрально противоположные задачи. В период Исламской Республики историческая политика выполняла задачи, связанные с ревизией наследия предыдущего режима, его переоценкой, интеграцией в новый исламский дискурс. Кроме этого, политика памяти в ИРИ имеет и радикальные проявления, что выразилось, например, в демонтаже и уничтожении целых объектов, и социально и культурно значимых пространств, которые возникли в предшествующие годы и не могли быть интегрированы в шиитский дискурс, ограниченный предписаниями ислама и поэтому свободный и не зависимый от ранее продвигаемого иранского националистического проекта. Вероятно, именно невключенность элит ИРИ в более ранний политический дискурс и привела к столь радикальной ревизии той формы исторической политики как политики памяти, которая практиковалась до Исламской революции.

Политика прошлого в Иране после 1979 г. актуализировала свою функцию как источника новых смыслов и ревизии старых интерпретаций и значений. Если до 1979 г. два с половиной тысячелетия иранской истории воспринимались в категориях этнического и романтического национализма, визуализируясь и модернизируясь в современных культурных пространствах, активно используя для политических манипуляций, сводивших историю до уровня одного из механизмов как политической мобилизации, то в ИРИ исламское измерение истории оказалось более востребованным, чем этническая компонента, а многовековая история персов была редуцирована до предыстории ислама. Поэтому после 1979 г. основным героем истории и заказчиком, форматором исторической памяти оказалась не политическая нация, но умма.

В целом, начиная с 1979 г. историческая политика в ИРИ была интегрирована в число политических механизмов производства идентичности и воспроизводства лояльности за счет радикального демонтажа более раннего опыта политически и идеологически мотивированных интерпретаций с иранской историей. С одной стороны, не вызывает сомнения общая клерикализация прошлого за счет маргинализации националистического воображения, которое в качестве основного героя истории позиционировало нацию, интегрируемую в концепты государственного и этнического континуитета. С другой стороны, умма, по мысли шиитских политических элит, в подобной легитимации не нуждалась, что существенно повлияло на радикальный демонтаж исторических мифов, которые ИРИ унаследовала от предшествующего режима. В целом, современная историческая политика в Иране представляет собой сложный и гетерогенный феномен. Несмотря на унификацию интеллектуальных пространств, доминирование духовенства и второстепенное значение светских интеллектуалов, в сфере исторического воображения в определенной степени сохранились элементы плюрализма интерпретаций. Если в рамках общества ИРИ высказываются различные точки зрения относительно исторической политики и памяти как политического ресурса, то среди иранской эмиграции доминируют радикально альтернативные версии исторической памяти, в определенной степени близкие к тому модусу ее конструирования, который доминировал в Иране до Исламской революции. Поэтому нельзя исключать как сближения, так и последовательного расхождения подходов к манипуляциям с историей, в значительной степени практикуемых как в Исламской Республике Иран, так

и в рамках иранской политической эмиграции, но во внимание следует принимать, что именно восприятие истории в ее инструментализированном значении на современном этапе является фактором фрагментации иранского общества, что придает актуальность дальнейшим исследованиям культуры исторической памяти.

Список источников

Ārām-gāhe Kuroš bā tame gowjefarangi (Гробница Кира со вкусом томата). URL: <http://marzeporgohar.net/fa/?p=2078> (дата обращения: 18.01.2021).

Bargozāriye mosābeqāte rāli be kālbode taxte Jamšid āsib mizanad (Проведение раллийных гонок нанесет вред Персеполису). URL: <http://marzeporgohar.net/fa/?p=2031> (дата обращения: 17.01.2021).

Bāzxāniye xāterāte Xalxāli az taxribe maqbareye Rezāšāh (Халхали вспоминает о разрушении гробницы Реза-шаха). URL: <http://tarikhirani.ir/fa/news/786/bāzxāni-ye-xāterāt-e-xalxāli-az-taxrib-e-maqbare-ye-rezā-šāh> (дата обращения: 18.01.2021).

Voq'eye ostād Hāfez Širāzi ru be zavālast (Могила Хафеза Ширази находится в упадке). URL: <http://marzeporgohar.net/fa/?p=1858> (дата обращения: 17.01.2021).

Borje Āzādi pas az 20 sāl šoste mišavad (Башня Свободы через 20 лет может разрушиться) // BBC Iran. 2009. 18 žuiye-ye. URL: https://www.bbc.com/persian/iran/2009/07/090718_mg_azadi_sq_tehran (дата обращения: 17.01.2021).

Dargāhe Pahluye (Пехлевийские ворота). URL: <https://fa.wikipedia.org/wiki/Dargāh:pahlu-ye> (дата обращения: 19.01.2021).

Dowlātābādi: jenāze-ye Rezāšāh rā negah dārid (Долатабади: сохраним тело Реза-шаха). URL: <http://tarikhirani.ir/fa/news/6278/dowlātābādi-jenāze-ye-rezāšāh-rā-negah-dārid> (дата обращения: 15.01.2021).

Ehdāse kārkhāneye zorrat хоšk-koni dar harime darajeye yek Pāsārgād (Строительство завода по сушке кукурузы в районе Пасаргад). URL: <http://marzeporgohar.net/fa/?p=1931> (дата обращения: 16.01.2021).

Ehdāse yek dāmdāri dar 500 metri-ye sangnegāre Teymure mirzā (Строительство фермы в 500 метрах от изображения Тимура Мирзы). URL: <http://marzeporgohar.net/fa/?p=2199> (дата обращения: 14.01.2021).

Narime taxte Jamšid pist otomobilrāni šod (Персеполис стал ипподромом). URL: <http://marzeporgohar.net/fa/?p=2008> (дата обращения: 18.01.2021).

Hāšeme Āqājari: mā tārixe 2,500 sāleye šāhanšāhi nadāšteim: estebdāde irāni bā Rezāšāh šoru' šod. Saltanat dar Irān mašrute nemišavad (Хашем Агаджари: у нас не было 2500-летней истории империи: иранская тирания началась с Реза-шаха. Монархия в Иране не была конституционной). URL: <http://tarikhirani.ir/fa/news/8476/hāšem-āqājari-mā-tārix-2,500-sāle-šāhanšāhi-nadāšte-e-ym-estebdād-irāni-bā-rezāšāh-šoru'-šod-saltanat-dar-irān-mašrute-nam-i-šavad> (дата обращения: 19.01.2021).

In mumiyāyi Rezāšāh-ast. Mirās-e farhangi: dobāre dafn kardand (Это мумия Реза-шаха и культурное наследие: его снова похоронили). URL: <http://tarikhirani.ir/fa/news/6295/in-mumiyāyi-rezāšāh-ast.-mirās-e-farhangi-dobāre-dafn-kardand> (дата обращения: 14.01.2021).

Kāheše harime Šuš, sabte jahāniye ān rā be xatar miandāzad (Ухудшение положения Суз создает угрозу для их всемирного значения). URL: <http://marzeporgohar.net/fa/?p=2128> (дата обращения: 15.01.2021).

Kamāli M. Bahāiyāno tašdide sarkubhā pas az enqelāb (Камали М. Бахаи и усиление репрессий после революции). URL: <https://www.bbc.com/persian/blog-viewpoints-48636874> (дата обращения: 17.01.2021).

Lāhiji Š. Sisteme farhangiye jomhuriye eslāmiye motexassese koštane angizehāst (Лахиджи Ш. Культурная система Исламской Республики специализируется на мотивах убийства). URL: <http://marzeporgohar.net/fa/?p=2144> (дата обращения: 18.01.2021).

Mohsene Renani: Bā peykare Rezāšāh ce konim? (Мохсен Ренани: что делать с телом Реза Шаха?). URL: <http://tarikhirani.ir/fa/news/6273/O-peykar-Rezāšāh-ce-konim-Mohsen-Rerani> (дата обращения: 19.01.2021).

Nāgoftēhāyi az taxribe maqbareye Rezāšāh dar avāyele enqelāb (Нерассказанные истории разрушения гробницы Реза-шаха в ранний период революции). URL: <http://tarikhirani.ir/fa/news/4081/nāgoftēhā-yi-az-taxrib-e-maqbare-ye-rezāšāh-dar-avāyel-e-enqelāb> (дата обращения: 15.01.2021).

Qabre Rezāšāh taxrib šod (Могила Реза-шаха была разрушена). URL: <http://tarikhirani.ir/fa/news/4295/Qabr-Rezāšāh-taxrib-šod> (дата обращения: 17.01.2021).

Safire Nikārāgue mihmāne Borj-e Āzādi (Посол Никарагуа – гость Башни Свободы). URL: <http://www.azadi-tower.com/index.aspx?fkeyid=&siteid=7&pageid=236&newsview=4604> (дата обращения: 19.01.2021).

Taxribe 40 asaro mohavvateye tārixiye sabte melli (Снос 40 национальных памятников и исторических мест). URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/167957/taxrib-40-asar--o-mohavvate-tārixi-sabt-melli> (дата обращения: 18.01.2021).

Библиографический список

Баранов А.В. Влияние исторической памяти на формирование внешней политики Исламской Республики Иран // История и историческая память. 2010. № 1. С. 51–63.

Баранов А.В. Политика памяти и традиция Ашура в Исламской Республике Иран // История и историческая память. 2015. № 11. С. 159–179.

Борах О., Ломанов А. Возвращение Небесного повеления // Pro et Contra. 2009. Май – август. С. 65–88.

Исаков А.С. Фракционистское измерение политики памяти в Иране: концептуальные основы // Дискурс-Пи. 2015. № 3-4. С. 57–63.

Кирчанов М.В. «Они сражались за Родину?», или как «патриотические предатели» стали героями массовой культуры в западных политиках памяти // Новое прошлое. 2020. № 2. С. 164–179.

Кирчанов М.В. Историческая политика. Политика памяти и война с памятниками в США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 12 (576). С. 63–75.

Кирчанов М.В. Континуитет и дискретность в современных исторических памятях стран Балтии (мифы политической нации vs мифы политизированной этничности) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 1 (16). С. 180–218

Линднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Кантакты і дыялогі. 1996. № 3. С. 20–25.

Миллер А.И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4 (Историческая политика). С. 6–23.

Михник А. Историческая политика: российский вариант [Электронный вариант] // Родина. 2006. № 6. URL: http://istrodina.com/rodina_articul.php3?id=1906&n=99 (дата обращения: 19.01.2021).

Шерпер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // Pro et contra. 2009. Май – август. С. 89–108.

Adorno Th. Aufarbeitung der Vergangenheit. München: Hörverlag, 2006. 347 S.

Haas R. The Politics of Historicide // Syndicate Project. 2017. February 24. URL.: <https://www.project-syndicate.org/commentary/extremist-destruction-of-cultural-artifacts-by-richard-n--haas-2017-02?barrier=accesspaylog> (дата обращения: 19.01.2021).

Hemmati Kh. A Monument of Destiny: Envisioning A Nation's Past, Present, and Future Through Shahyad / Azadi. Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts in the Department of History Faculty of Arts and Social Sciences. Simon Fraser University, 2013. 190 p.

Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus // Nationalities Papers. 1999. Vol. 27, no. 4. P. 631–647.

Roy O. Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State. Oxford: Oxford University Press, 2017. 136 p.

Smith A.D. Nationalism and the Historians // International Journal of Comparative Sociology. 1992. Vol. 33, no. 1-2. P. 58–80.

Дата поступления рукописи в редакцию 20.01.2021

POLITICS OF MEMORY IN THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN AS A NON-WESTERN FORM OF HISTORICAL POLITICS (BETWEEN THE VALUES OF THE UMMAH AND THE PRINCIPLES OF NATIONALISM)

M. W. Kyrchanoff

Voronezh State University, Pushkinskaya str., 16, 394000, Voronezh, Russia
maksymkyrchanoff@gmail.com
ORCID: 0000-0003-3819-3103
ResearcherID: B-8694-2017
Scopus Author: 57193934324

The author analyzes the main features and directions of the policy of historical memory in the Islamic Republic of Iran, proclaimed in the 1979. Analyzing the politics of memory in Iran, the author transplants those models of explanation and interpretation to Iranian contexts, which were originally proposed for the study of ideologically motivated manipulations of history in Europe. It is assumed that the politics of memory depends on the dynamics of political and socio-economic modernization in its Islamic version. Elites actively use history and the past as symbolic resources in their attempts to legitimize regime, and the politics of memory has become one of the dimensions of Iranian political imagination, integrated into the Shia political discourse. The main forms of politically and ideologically motivated manipulations with history in the Islamization contexts are presented. The author states that the Iranian elites are active in their attempts to marginalize the Zoroastrian and pre-Islamic heritage, imagined as alien culturally and anti-Islamic traditions. Therefore, the early policy of memory in Iran was radical and repressive in its nature. The author analyzes the radical forms of the politics of memory, including the destruction of historical and cultural monuments. It is assumed that political Islam and the values of the Ummah in the historical imagination of Iran became more important factors than Iranian ethnic nationalism. In general, the article shows the interdependence of the memorial politics of the non-secular Shia regime and Iranian nationalism, despite its marginalization. The author presumes that the politics of memory belongs to the few spheres of social and cultural life of Islamic Republic of Iran, where Iranian secular intellectuals can visualize their identity and nationalist preferences. The historical politics in Iran actualizes the peculiarities of ideological struggle of the Shia regime against the Iranian political emigration, which criticizes Islamization. The results of the politics of memory also demonstrate the significant potential of the historical experience (Iranian-Iraqi war) as a stimulus for consolidation and promotion of loyalty. Therefore, the author analyzes the politics of memory as a constantly revising project, declaring the need for its further interdisciplinary analysis.

Key words: politics of memory, historical memory, Iran, clericalization, political Islam, politicization of history, control of the past.

References

- Adorno, Th. (2006), *Aufarbeitung der Vergangenheit*, Hörverlag, München, Germany, 347 s.
- Baranov, A.V. (2010), "The influence of historical memory on the formation of foreign policy of the Islamic Republic of Iran", *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, № 1, pp. 51–63.
- Baranov, A.V. (2015), "The politics of memory and the tradition of Ashura in the Islamic Republic of Iran", *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, № 11, pp. 159–179.
- Borakh, O. & A. Lomanov (2009), "Return of the Heavenly Command", *Pro et Contra*, May – August, pp. 65–88.
- Haas, R. (2017). "The Politics of Historicide", *Syndicate Project*, February 24, available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/extremist-destruction-of-cultural-artifacts-by-richard-n--haass-2017-02?barrier=accesspaylog> (accessed 19.01.2021).
- Hemmati, Kh. (2013), *A Monument of Destiny: Envisioning A Nation's Past, Present, and Future Through Shahyad / Azadi. Thesis Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts in the Department of History Faculty of Arts and Social Science*, Simon Fraser University, Canada, 190 p.
- Isakov, A.S. (2015), "Factional dimension of the politics of memory in Iran: conceptual foundations", *Dis-course-P*, № 3–4, pp. 57–63.
- Kirchanov, M.V. (2017), "Historical politics. The politics of memory and the war with monuments in the USA", *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura*, № 12 (576), pp. 63–75.
- Kirchanov, M.V. (2019), "Continuity and Discreteness in Modern Historical Memories of the Baltic States (Myths of Political Nation vs Myths of Politicized Ethnicity)", *Zhurnal rossiyskikh i vostочноevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*, № 1 (16), pp. 180–218.
- Kirchanov, M.V. (2020), "They Fought for the Motherland?", Or How "Patriotic Traitors" Became Heroes of Mass Culture in Non-Western Politicians of Memory", *Novoye proshloye*, № 2, pp. 164–179.

- Lindner, R. (1999). "New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus", *Nationalities Papers*, vol. 27, № 4, pp. 631–647.
- Lindner, R. (1996), "Invariance and changes in the post-Soviet historiography of Belarus", *Kontakty i dyjalozi*, № 3, pp. 20–25.
- Mikhnik, A. (2006), "Politics of memory: Russian variant", *Rodina*, № 6, available at: http://istrodina.com/rodina_articul.php?id=1906&n=99 (accessed 19.01.2021).
- Miller, A.I. (2009), "Russia: power and history", *Pro et Contra*, № 3–4, pp. 6–23.
- Roy, O. (2017), *Jihad and Death: The Global Appeal of Islamic State*, Oxford University Press, Oxford, UK, 136 p.
- Scherrer, J. (2009), "Germany and France: politics of memory", *Pro et contra*, May – August, pp. 89–108.
- Smith, A.D. (1992), "Nationalism and the Historians", *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 33, № 1 – 2, pp. 58–80.